

Handwritten notes in the top left corner.

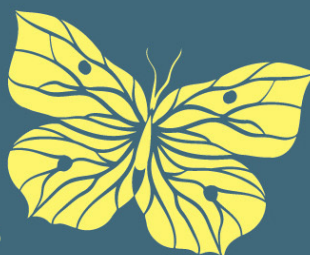
ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН

Берлинское детство на рубеже веков

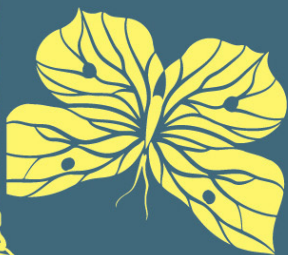
Handwritten notes in the top right corner.

Handwritten notes next to the Victory Column.

Handwritten notes next to the bicycle.

Handwritten notes next to the central Victory Column.

Handwritten notes next to the bicycle.

1840
1845

Handwritten notes in the bottom left corner.

Handwritten notes in the bottom right corner.

Магистраль. Главный тренд

Вальтер Беньямин

**Берлинское детство
на рубеже веков**

«ЭКСМО»

1987

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

Беньямин В.

Берлинское детство на рубеже веков / В. Беньямин — «Эксмо»,
1987 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-207541-4

Вальтер Беньямин погружается в воспоминания о детстве. Трогательные зарисовки о взрослении на рубеже веков от знаменитого немецкого философа.

В 1900 году Вальтеру Беньмину, мальчику из еврейской семьи, было всего 8 лет. С течением жизни воспоминания о детстве истончаются, стираются. Но Беньямин смог заглянуть в прореху времени и собрать из цветных осколков, запахов, полутонов и настроений чудесные, нежные зарисовки о дорогих сердцу годах. Воспоминания о катании на коньках, коллекции открыток, запах рождественской елки и шелест книг, которые окружали его с самого детства, – все эти крошечные фрагменты детства Вальтер Беньямин с любовью описывает, окутывая читателя магией своих причудливых, поэтичных метафор. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.112.2-94

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-207541-4

© Беньямин В., 1987

© Эксмо, 1987

Содержание

Потерянный Берлин Вальтера Бенъямина	6
Берлинское детство на рубеже веков	9
Предисловие	9
Лоджии	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вальтер Беньямин

Берлинское детство на рубеже веков

© Г. Снежинская, перевод на русский язык, наследники, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Потерянный Берлин Вальтера Беньямина

*Рассказчик – это человек, который мог бы без остатка спалить
фитиль своей жизни в нежном пламени собственного рассказа.*
Вальтер Беньямин

Работать над проектом, который впоследствии примет форму книги «Берлинское детство», Вальтер Беньямин начал зимой 1932 года. За составление воспоминаний о Берлине он взялся по заказу журнала *Die literarische Welt* – и к лету 1932 года, во время поездки на Ибицу, первоначальная версия этих воспоминаний под названием «Берлинская хроника» была практически закончена. Это развернутое рефлексивное повествование еще мало напоминало филигранные миниатюры книги, которую вы держите в руках, – но послужило для них подготовительной ступенью: уже осенью Беньямин будет отправлять друзьям первые фрагменты будущего «Берлинского детства». Зимой того же 1932 года он в последний раз окажется в Берлине: вскоре к власти придут национал-социалисты, и в середине марта 1933 года Беньямин навсегда покинет Германию. Незадолго до его отъезда серия из двенадцати миниатюр под общим заглавием «Берлинское детство на рубеже веков» была напечатана в газете *Frankfurter Zeitung*. Дальнейшую работу над книгой Беньямин будет вести уже в изгнании. В начале 1933 года он предложит первую законченную ее версию одному берлинскому издателю; год спустя еще одну, переработанную, направит другому – однако безуспешно. В то же время отдельные миниатюры продолжают (по большей части под псевдонимом) выходить в газетах *Frankfurter Zeitung* и *Vossischer Zeitung*. В 1938 году Беньямин принимается за последнюю переработку своей книги – и снова пытается ее опубликовать. «Если издатель для нее найдется», – заявляет он в мае 1938 года в письме богослову Карлу Тиме, – «то эта книга могла бы иметь заметный успех в продажах. Ей есть что сказать тысячам изгнанных из страны немцев»¹. В эту окончательную версию книги вошли 30 автобиографических миниатюр из 42 написанных с 1932 года. Однако планы на издание в очередной раз провалились – и при жизни Беньямина книга так и не была опубликована. В 1940 году, перед тем как бежать из Парижа, на который уже наступали гитлеровские войска, Беньямин передал беловую машинопись «Берлинского детства» вместе с некоторыми другими текстами из своего архива Жоржу Батаю, который спрятал их в здании Парижской Национальной библиотеки. Большинство этих бумаг Батаю после войны удалось отыскать и переправить в Америку, Теодору В. Адорно – однако машинописи «Берлинского детства» среди них не оказалось.

Впрочем, оставались многочисленные газетные публикации – и в 1950 году Адорно, по памяти восстановив оглавление ранних версий «Берлинского детства», с которыми когда-то знакомил его Беньямин, самостоятельно составил из них книгу и предложил ее для публикации издательству Suhrkamp. С тех пор эта книга еще три десятилетия продолжала издаваться как неоконченная: сперва в виде подборок из газетных публикаций, а впоследствии – с опорой на черновые рукописи, попавшие в руки исследователям. Только в 1981 году Джорджо Агамбен обнаружил затерявшуюся машинопись финальной версии. С тех пор «Берлинское детство» во всем мире издается именно в этой форме. Миниатюры, не включенные в беловую машинопись книги, но успевшие получить широкую известность в посмертных публикациях 1950-х – 1980-х гг., печатаются в приложении (см. раздел «Фрагменты ранних редакций» настоящего издания).

«Берлинское детство» стало первой книгой, с которой Теодор Адорно в 1950 году убедил владельца издательства Suhrkamp Петера Зуркампа начать посмертное издание трудов Валь-

¹ *Walter Benjamin: Briefe I*, hrsg. v. Gerschom Scholem und Theodor W. Adorno, Frankfurt a.M., 1978. S. 755 f.

тера Беньямина – автора на тот момент совершенно забытого. Сам Зуркамп, как рассказывали впоследствии его коллеги, перед выходом книги готов был держать пари, что во всей Германии не найдется и сотни человек, хотя бы слышавших имя Беньямина. Неудивительно, что успеха у публики «Берлинское детство» поначалу не имело. Громкая посмертная слава придет к Беньямину позже, уже в шестидесятые годы – и это будет слава не литератора, а теоретика. Так что свое нынешнее место в классическом каноне немецкой прозы «Берлинское детство» заняло уже после того, как благодаря усилиям франкфуртских издателей Беньямин получил широкую известность как философ и культурный критик. Это по-своему закономерно. Миниатюры «Берлинского детства», которые сегодняшнему читателю могут на первый взгляд показаться не более чем ностальгическими зарисовками, в действительности по своей интенции глубоко родственны историческим и философским изысканиям Беньямина в 30-е годы XX века. Взгляд, которым повествователь «Берлинского детства» смотрит на родной город, – это взгляд *рассказчика* в строго беньяминовском смысле слова. Как замечал сам Беньямин в рецензии на сборник «Берлинские прогулки» одного из своих любимых прозаиков Франца Хесселя (1929), описания городов в большинстве своем составляют не их обитателями, а чужаками, приезжими. Тот же, кто пытается нащупать образ родного города, «путешествует не в дальние края, а в прошлое». Такому автору ни к чему «восторженный импрессионизм, с которым так часто подходит в своему предмету описатель». Ибо Хессель – тоже, как и Беньямин, уроженец Берлина – «не описывает, а рассказывает. Более того, он пересказывает то, что слышал сам. «Берлинские прогулки» – эхо того, что город с ранних дней рассказывал ребенку»².

Все это в равной мере относится к самому Беньямину, который спустя три года после выхода «Берлинских прогулок» Хесселя возьмется за проект будущего «Берлинского детства». Беньямин – тоже путешествующий в прошлое рассказчик. И эти его прогулки движимы вовсе не ностальгической тоской и не стремлением найти в прошлом убежище от невыносимого настоящего. Как замечал Петер Сонди, один из первых и самых внимательных читателей «Берлинского детства», «Беньямин не стремится освободиться от темпоральности, не стремится увидеть вещи в их исторической сущности, нет: он стремится к историческому опыту и историческому познанию; однако оказывается отослан в прошлое, причем в такое прошлое, которое не разомкнуто, но открыто – и предвещает будущее»³. «Я жил в девятнадцатом столетии, точно моллюск в своей скорлупе», – пишет Беньямин, – «а ныне оно лежит передо мной пустое, как мертвая раковина» («Обормотя»). Эхо, звучащее в этой раковине, рассказывает о местах и вещах, необратимо переменившихся с тех пор, как девятнадцатый век сменился двадцатым. И если сегодняшнего читателя обстановка «Берлинского детства» может в чем-то удивлять, а в чем-то умилять, то на тех, кто эту перемену застал, она производила совершенно иное впечатление. Теодор Адорно так писал в послесловии к своему изданию «Берлинского детства» об этих вещах, ландшафтах и интерьерах: «Воздух вокруг мест, что на наших глазах оживают в представлении Беньямина, смертоносен. На них падает взгляд приговоренного, и в них он видит их собственный приговор. Берлинские руины откликаются на те иннервации, что пронизывали город на рубеже веков»⁴. Долговечнее и светлее всего в «Берлинском детстве» оказываются вещи ненужные и нелепые – как никчемный и счастливый Одрадек из любимого Беньямином рассказа Кафки: елочные огни, мыльные пузыри, ниточные катушки. Все весомое и осмысленное – технические новшества, официальные учреждения, человеческие жилища – уже несет на себе печать будущей катастрофы. Она проступает в интерьерах буржуазных квар-

² Walter Benjamin: Die Wiederkehr des Flaneurs, in: Gesammelte Schriften IV, hrsg. v. Hella Tiedemann-Bartels. Frankfurt a.M., 1991. S. 194.

³ Peter Szondi: Hoffnung im Vergangenen, in: Peter Szondi, Schriften II, hrsg. v. Jean Bollack, Henriette Beese u.a., Frankfurt a.M., 2011. S. 285.

⁴ Walter Benjamin: Berliner Kindheit um neunzehnhundert. Mit einem Nachwort von Theodor W. Adorno. Frankfurt a.M., 2010. S. 112.

тир, владельцы которых – не жители, а постояльцы («Цветочный двор, 12»); в завороженном ужасе, с которым ребенок из буржуазной семьи тянется к миру улиц («Нищие и проститутки»); в очертаниях многоголового спрута, который собирается на званные вечера в гостиной его собственной квартиры («Общество»).

Рассказ, рассказывание – одно из ключевых понятий для исторических представлений Беньямина в 1930-е годы. Эпизоды собственной жизни воскресают в повествовании рассказчика, увязываясь одновременно друг с другом и с мгновением самого рассказа, которое принадлежит совершенно другому времени. Набор этих непредсказуемых темпоральных связей представляет собой сжатую модель той «всесторонней и интегральной актуальности», в которой дается человеку в революционно-мессианском понимании Беньямина извлеченный мир. В работе воспоминания реализуется на персональном уровне та смычка между прошлым и настоящим, в которой на историческом уровне Беньямин видел единственную надежду для мира, рушащегося на глазах. «Подлинный революционный шанс», – писал Беньямин незадолго до смерти в XVIII тезисе текста «О понятии истории», – «удостоверяется тем правом прохода, которое имеет мгновение над совершенно конкретным и до поры запертым покоем прошлого. Вступление в этот покой строго совпадает с политическим действием»⁵. Именно эта констелляция того катастрофического настоящего, в котором находится историк, с конкретным, родственным ему моментом прошлого, способна, по мысли Беньямина, разомкнуть ход «гомогенного времени» и открыть этому настоящему перспективу на такое будущее, которое может стать выходом из ежедневной исторической катастрофы. «Беньямин», – замечает Петер Сонди, – «вслушивается в прѣдзвук такого будущего, которое само уже успело стать прошлым»⁶. Будущее уже присутствует в воспоминаниях «Берлинского детства» – но не как закономерное следствие этого вспоминаемого прошлого, а как неразгаданное вовремя пророчество. «Традиция угнетенных учит нас», – пишет Беньямин в тезисах «О понятии истории», – «что “чрезвычайное положение”, в котором мы живем, – не исключение, а правило»⁷. Только катастрофическое настоящее 30-х годов XX века позволяет разглядеть прежде неразличимые контуры этого вечного чрезвычайного положения в очертаниях мира, который окружал ребенка в Берлине на рубеже веков. Это, однако, и есть та точка, в которой замысел «Берлинского детства» смыкается с мыслью исторических и политических работ Беньямина. Умение рассказчика распознать в прошлом скрытые предвестия невыносимого настоящего прямо связано для Беньямина с умением диалектика увидеть в этом настоящем возможность для непредвиденного будущего.

⁵ *Walter Benjamin: Werke und Nachlass, Kritische Gesamtausgabe, Band 19 (Über den Begriff der Geschichte)*, hrsg. v. Gerard Raulet, Berlin, 2010. S. 42.

⁶ Peter Szondi, a. a. O.

⁷ *Walter Benjamin: Werke und Nachlass, Kritische Gesamtausgabe, Band 19 (Über den Begriff der Geschichte)*, hrsg. v. Gerard Raulet, Berlin, 2010. S. 35.

Берлинское детство на рубеже веков

*Колонна Победы поджаристо-румяна
под снежной сахарной глазурью детских дней...*

Предисловие

В 1932 году, находясь за границей, я осознал, что уже скоро мне придется надолго, быть может, очень надолго, проститься с городом, в котором я родился.

Я не раз убеждался в действенности прививок, исцеляющих душу; и вот я вновь обратился к этому методу и стал намеренно припоминать картины, от которых в изгнании более всего мучаешься тоской по дому, – картины детства. Нельзя было допустить при этом, чтобы ностальгия оказалась сильнее мысли – как и вакцина не должна превосходить силы здорового организма. Я старался подавлять чувство тоски, напоминая себе, что речь идет не о случайной – биографической, но о необходимой – социальной невозвратимости прошлого.

По этой причине биографические моменты в моих набросках, проступающие скорей в силу непрерывности, а не глубины жизненного опыта, отходят на задний план. А с ними и лица – школьных товарищей и родных. Зато мне было важно воссоздать *картины*, в которых отразилось восприятие большого города ребенком из буржуазной семьи.

Как мне представляется, такие картины имеют свою особую судьбу. Они ведь еще не связаны с определенными формами вроде тех, в каких естественное чувство уже не одно столетие хранит воспоминания о детстве, проведенном в деревне. Зато мои картины, картины детства, проведенного в большом городе, оказались способны сформировать зачатки моего восприятия истории в более позднем возрасте. И я надеюсь, они отчетливо отображают, как тот, о ком здесь идет рассказ, в более позднюю пору своей жизни лишился ощущения надежного крова над головой, дарованного ему в детстве судьбой.

Лоджии

Подобно матери, которая, прикладывая к груди своего новорожденного, никогда не потревожит его сон, жизнь долгое время заботливо оберегает нашу хрупкую память о детстве. Ничто не питало мои воспоминания столь щедро, как вид дворов, где была среди темноватых лоджий одна, летом затененная маркизами, ставшая колыбелью, в которую уложил меня, своего нового жителя, Берлин. Должно быть, кариатиды, поддерживавшие лоджию, что находилась над нашим этажом, ненадолго покинули свои места, чтобы спеть песню над моей колыбелью; и пусть в той песне почти не упоминалось о том, что ожидало меня в будущем, зато были в ней слова, навсегда сохранившие для меня пьянящий воздух наших дворов. Мне кажется, легкое дыхание этого воздуха проносилось даже над виноградниками на Капри, укрывавшими меня, когда я сжимал в объятиях возлюбленную, и, несомненно, этот воздух сегодня овеивает образы и аллегории, что властвуют над моей мыслью, подобно тому, как кариатиды на лоджиях господствовали над дворами в западной части Берлина.

Меня убаюкивало ритмичное постукивание – и колес городской электрички, и колотушек, которыми во дворе выколачивали ковры. Оно было той заводью, где рождались сновидения. Поначалу без образов, полные, кажется, плеска льющейся воды или запаха молока, потом протяженные – сны путешествий и дождей.

Весна выгоняла первые ростки возле серой дворовой стены, а летом, когда запыленная завеса листвы, колышась, снова и снова шуршала по каменной ограде, шелестящий шорох ветвей старался чему-то научить меня, хотя я еще не дорос до ученья. Да и все во дворе давало мне уроки. Сколько бы мог поведать сухой треск, с которым поднимались зеленые оконные жалюзи! А сколько зловещих угроз я благоразумно не желал слышать в грохоте железных штор, когда они опускались на закате дня!

Больше всего меня занимал во дворе клочок земли, где росло дерево. Незамощенный, он был придавлен круглой чугунной решеткой. Под ее толстыми прутьями чернела голая земля. Мне казалось, неспроста приложена на землю эта решетка; иногда я задумывался о том, что же происходит там, в черной ямине, откуда выкарабкалось дерево. Позднее мои размышления распространились и на стоянки извозчиков. Там корни деревьев тоже были спрятаны под такими круглыми решетками, но по внешнему краю решетки шла еще и оградка. На нее извозчики вешали свои пелерины, когда, качая насос колонки, наполняли для своих коняг углубленную в тротуар поилку сильной водяной струей, смывавшей прочь остатки сена и овса. Эти стоянки, чей покой лишь изредка нарушался прибытием или отъездом дрожек, были отдаленными провинциями моего двора.

В лоджии от стены к стене тянулись бельевые веревки, пальма в углу смотрела бесприютной бродяжкой, тем более что давно уже все привыкли считать ее родиной не черный континент, а гостиную соседней квартиры. Так было угодно закону сего места, некогда бывшего средоточием фантазий его обитателей. Пока оно не кануло в забвение, его порой озаряло своим светом искусство. Сюда находили тайные пути то подвесной фонарь, то бронзовая статуэтка, то китайская ваза. И хотя старинные эти вещи лишь изредка оказывали честь этому месту, сами они были под стать некоторым приметам его старины. Помпейский багрянец, широкой полосой лежавший на стенах, был неизменным фоном всех долгих часов, что застаивались в столь уединенном приюте. Время старилось в этих сумрачных покоях, открытых со стороны двора. И потому, когда я поздним утром, выйдя на лоджию, лицом к лицу сталкивался с временем, оно уже так давно было поздним утром, что казалось, здесь оно более полно отвечает своей сути, чем в любом другом месте. На лоджии мне никогда не удавалось дожидаться этого часа – всякий раз он уже дожидался меня. Когда же я наконец подстерегал его, оказывалось, что позднее утро давно настало и даже как будто успело выйти из моды.

Впоследствии я заново открыл для себя дворы, когда увидел их с железнодорожной насыпи. В душный предвечерний час я смотрел из окна вагона в глубину дворов и думал: в них затворилось лето, отрекшееся от окружающего ландшафта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.